

И. А. ИЛЬИН

Кошмар Н. А. Бердяева

Необходимая оборона

На днях мне довелось впервые прочесть статью г. Бердяева в ном<ере> 4 журнала «Путь», статью, направленную против моей книги «О сопротивлении злу силою».

Эта статья в некоторых отношениях поучительна, и я обязан высказать о ней несколько слов.

К сожалению, я не вижу возможности обратиться с этими словами к самому г. Бердяеву. Этому мешает *тон* его статьи. Идеиный спор есть серьезное и ответственное состязание об истине, а не система личных нападок, посягающих на разоблачение чужой души.

Бывает полемическое раздражение; возможен идейный гнев. Но правила литературной пристойности остаются обязательными всегда.

Статья г. Бердяева написана тоном патологического аффекта, он сам так публично и характеризует свое собственное состояние как переживание «кошмара», «удушья», «застенка», «отвращения» и т. д.

И вот, переживая «кошмар», он и держит себя так, как бывает с людьми в кошмаре: задыхаясь от бессильного отчаяния, он теряет всякое чувство меры и справедливости, забывает правило о необходимости духовного *трезвения* и уже не только отвергает приписываемые мне *идеи*, но ищет религиозно поразить, умственно разоблачить и нравственно скомпрометировать мою личность. И потому «обличает» меня в неправославности, в «фарисействе», «ходульности», в «неслыханной гордыне», в «зараженности большевизмом», в «чекизме», в реакционной

злобе и т. д., и т. д. и даже намекает на то, что с известной точкой зрения меня следовало бы убить...

Я не только не могу отвечать ему в *таком* тоне, но на такие болезненные выходки вообще не вижу возможности отвечать. Или г. Бердяев и его единомышленники найдут в себе достаточно духовной уравновешенности для того, чтобы уважать своего противника и чтить идейность спора, или же придется впредь совершенно игнорировать их полемические выступления так, как игнорируют пасквилы и памфлеты.

Еще одно, чтобы покончить с личным вопросом. Я никогда не был близок с г. Бердяевым.

20 лет я следил за его публицистической деятельностью, и 20 лет я отходил в сторону; до такой степени я всегда считал то, что он делает, философически неосновательным и религиозно соблазнительным. В редких беседах с ним я никогда не высказывался; ни личными настроениями, ни идейными замыслами никогда с ним не делился; на понимание с его стороны никогда не рассчитывал и при публичном обмене мнениями всегда отмечал, что г. Бердяев ни мою, ни чью бы то ни было чужую мысль вообще *не слышит*.

Если же принять еще во внимание, что о «своих» воззрениях (т. е. о том, что я считаю по существу истиной) я доселе печатал *очень мало*, выдерживая себя в суровой школе сосредоточения и воздержания, то станет понятным, что г. Бердяев ни меня, ни моего мирозерцания совсем не знает и вынужден говорить о том и о другом на основании собственных глухих и недоброжелательных догадок и по кривым сведениям из вторых рук.

Вот почему все его заявления о том, что я «монист» и в силу одного этого не православный, что я «фихтеанец» и «гегелианец» (!? как будто это одно и то же...); что я «монофизит и монофелит» (!? замечательное совмещение...); что я «моралист», крайний протестант и т. д. — являются плодом его фантазии и на самом деле *ничему не соответствуют* ни в прошлом, ни в настоящем.

Тут спорить не о чем, надо только установить, что автор судит о том, о чем «понятия его ему не позволяют»¹ и что поэтому его суждения неосновательны и безответственны. И только.

Итак, пока г. Бердяев пребывает в своем кошмаре, я спорить с ним не могу и не буду. И со всеми моими дальнейшими утверждениями и доказательствами я обращаюсь не к нему, а к читателю, признающему справедливость и ищущему объективной правды; и прежде всего к читателю-единомышленнику и другу.

* * *

Сущность дела в том, что г. Бердяеву при просмотривании моей книги приснился кошмар. Ему пригрезилась система идей, которую он пережил с тяжелым отвращением, и эта система идей принадлежала в его галлюцинации некоему «И. Ильину». Об этом он и счел нужным довести до всеобщего сведения.

* * *

Прочтя внимательно его статью, я попытался выделить эту систему идей из контекста личных выходов и должен был признать, что она действительно заслуживает отвержения. Эта система идей мне давно и хорошо знакома, еще со студенческой скамьи.

И должен сказать, что я *никогда* не разделял ее, а с годами считал и считаю ее все более и более опасной. В истории философии и политических учений эта система идей не раз появлялась в различных формах и видах у Платона, и в средние века, и у Гоббса, и у Руссо², и у Гегеля, и у коммунистов, и у реакционеров; то в идеалистическом, то в материалистическом, то в мистическом обосновании.

В моих университетских курсах я не раз пытался дать подробный анализ этого хода мысли, указывая на его соблазнительность и опасность и добиваясь ясности по этому вопросу от студентов на экзамене.

И вот, ныне кошмар г. Бердяева приписывает это заблуждение мне самому...

Согласно этой системе идей, государство имеет абсолютную власть над человеческой личностью и ее духом — потому ли, что оно есть воплощение Идеи Добра на земле (Платон), или потому, что оно осуществляет неопышающуюся «общую волю» (Руссо), или потому, что этого требует «мирное сожительство» людей (Гоббс), или потому, что оно есть проявление «абсолютного Духа» (Гегель), или же потому, что это необходимо для «пролетариата», «равенства» и социализма (марксисты) и т. д.

Во всех этих постановках и обоснованиях упускается из виду то главное условие, в силу которого *духовное начало в человеке требует для своего осуществления на земле именно личного, свободного, добровольного, невынужденного и невынуждимого обращения души к предмету и Богу.*

Молитва, подвиг, образ искусства, научное познание — не могут состояться без этого и вне этого; и никакое государствен-

ное повеление или запрещение не может заменить или создать *свободного* приятия человеком даруемого ему содержания. В последнем счете духовное обращение человека или совершается изнутри из его свободы, в глубине его самобытного духовного естества, или не совершается вовсе.

Это — мое исконное, основное убеждение, в котором я никогда не колебался, которое давным-давно привело меня к отрицанию инквизиции и к осуждению всяческих попыток государственно преследовать за убеждения как таковые и наказывать за мнения как таковые.

Это убеждение мое лежит и в основе всей моей обсуждаемой книги; и выговорено оно в ней многократно и со всей возможной отчетливостью (с. 13, 20, 21, 22, 23, 28, 40, 45, 46, 49, 50, 55, 112, 114, 115, 116, 156, 162, 166, 167, 169, 187).

Если *отрицать* государственное дело — нелепо, зловредно и фальшиво, то *переоценивать* государственное дело — недопустимо, опасно и губительно. Дело государства является, по моему убеждению, в полном смысле слова второочередным, предварительно-отрицательным, *не* абсолютным, *не* праведным; и все же необходимым, ответственным и могущественным делом. Исследованию этой *необходимости и пределов* этой мощи и посвящена моя книга.

Ввиду всего этого, когда г. Бердяев приписывает мне «языческую абсолютизацию и языческое обоготворение государства», или воззрение, будто «государство может принуждать к добру и победить зло», или когда он уверяет, будто я верю «в принудительное и насильственное спасение и освобождение человека», или будто я понимаю свободу как «принудительную организацию добра в мире через государство», или будто я хочу «восстановить инквизиционную юстицию» и т. д., — то он просто галлюцинирует насчет моей книги и моих воззрений; и затем, как и полагается в кошмаре, впадает в ярость от собственной своей галлюцинации.

Раз что это установлено — падает весь смысл его статьи. Ибо все остальное содержание ее или добывается им аналитически из этой основной его выдумки, или же развивает ее на все лады. При этом фантазия громоздится на фантазию (именно как в кошмаре)... Одно безответственное и ложное утверждение несется вслед другому... И в итоге грустная картина *идеологической инсинуации* возникает и растет на наших глазах.

Вот живые примеры.

Я утверждаю, что религиозно-церковный дух «не осуждает, но осмысливает и освящает путь Кесаря» (с. 162); что истинное

соотношение Церкви и государства найдено в духе древнего, русского Православия: оно состоит в обоюдной независимости их организаций, при духовном руководстве и содействии Церкви и лояльном невмешательстве ее в дела земные (с. 220).

Что приписывает мне г. Бердяев?

Что я «совершенно смешиваю и отождествляю» Церковь и государство...

Вся книга моя и, особенно, ее основные, последние главы доказывают, что человекоубиение *ни при каких условиях* не будет праведным делом; что государственная необходимость его есть *трагедия* и ведет к духовному *компромиссу*, который возлагает на правителя и на воина обязанность *покаянного самоочищения* (напр<имер>, с. 215).

Что видится г. Бердяеву в его кошмаре?

Будто я с «упоеанием» оправдываю смертную казнь и не постигаю благодатной силы таинства покаяния.

Я не исследую в моей книге путей внутреннего, религиозного и нравственного (т. е. *главного и священного*) процесса перерождения человеческой души. Я сознательно ограничиваю свою проблему исследованием *социальных* путей взаимовоспитания, ибо мое внимание сосредоточено на необходимости и на пределах государственного воздействия.

Как излагает это г. Бердяев?

Он (т. е. «И. Ильин») «не столько хочет творить добро, сколько истреблять зло».

Я доказываю, что государство обязано избегать всяких способов воздействия на преступника, которые его «ожесточают», «озлобляют», вредят его телесному, душевному или духовному здоровью (с. 114, 115).

Что делает из этого г. Бердяев?

Ему («И. Ильину») «очень легко признать проявлением любви какое угодно истязание» (sic!) «живого конкретного человека»...

Я считаю в моей книге, что вопрос о сопротивлении злу силой теряет всякий интерес, если его ставить от лица преступных и злонамеренных людей: проблема нравственной и религиозной правоты не висит в душе злодея, он сам уже разрешил себе все. Вопрос надо ставить от лица человека, искренно желающего добра, т. е. от лица *благородного* человека, сознающего свою собственную грешность (с. 173, 174) и тем не менее идущего на борьбу с насильником. Как искажается это в кошмаре г. Бердяева?

Он выдает эту формулу за мое *личное самовосхваление*...

Я описываю в моей книге возможную полноту христианской духовной любви, необходимой для постижения и осуществления заповедей Христа.

Что же оказывается у г. Бердяева?

Оказывается, что это я расхваливаю *свою особу* и тем «обнаруживаю неслыханную духовную гордыню»...

Я посвящаю мое исследование русской Белой армии и ее вождям. Что же? Г-н Бердяев объявляет, что я отдал свои силы «для духовных и моральных наставлений организациям контрразведки, охранным отделениям, департаменту полиции, главному тюремному управлению, военно-полевым судам»; что я проповедую «чеку во имя Божье»...

Г-н Бердяев уверяет, что мои воззрения «кошмары».

Ясно, что это не мои воззрения, а *созданный им самим кошмар*. Это ему самому пригрезился «кошмар злого добра»; а он реагирует на него как на объективную действительность. И с какою злобою... Последние странички его статьи, где он объявляет меня «иностранцем», «немцем», человеком без будущего, соблазнителем «малых сих» и т. д. производят такое впечатление, как если бы человек торопился наговорить как можно больше неприятностей и дерзостей...

Я совершенно не считаю себя вправе рассматривать здесь вопрос о том, как могла психологически возникнуть такая статья. Г-н Бердяев сам указывает на то, что он был во власти «кошмара». Однако философически это ничего не оправдывает.

Если бы г. Бердяев действительно прочитал мою книгу, то он *не мог бы* написать то, что он написал.

Но что же можно сказать о критике, который решается писать *такое и таким тоном* о книге, которую он *не* прочитал надлежащим образом?

И вот, здесь обнаруживается нечто весьма поучительное. Предметом его статьи была моя книга, т. е. система выраженных в ней воззрений.

Что сделал он с нею?

Он заменил ее своей выдумкой, химерой; выдал эту химеру за мое произведение и с этим выступил публично.

Я жив еще; и вот я могу публично же доказать ложность его утверждений и опровергнуть эту выдумку ссылками на записанное и высказанное.

Совсем иначе обстоит дело, когда предметом является не чья-нибудь книга и не чье-нибудь воззрение, а таинственно и сложно переживаемый *духовный* предмет, напр<имер> истина,

добродетель, любовь, брак, свобода, право, равенство... Исследование этих предметов чрезвычайно трудно, сложно и утонченно. Споры и доказательства на эти темы требуют огромного чувства ответственности, правдолюбия, беспристрастия, суровой выдержки; словом — бережно наращенного *духовного опыта и умственного аскеза*. Вне этого тут ничего не познаешь и не докажешь. Останутся одни произвольные выдумки, безответственные утверждения и соблазнительные парадоксы.

Я всегда воспринимал публицистику г. Бердяева как состоящую именно из этих остатков. Со всеми предметами философскими и религиозными, о которых он трактует, он делает более или менее то, что сделал с моим исследованием: он заменяет их своею выдумкою, химерою и затем распинаят эту химеру в безответственных утверждениях и соблазнительных парадоксах.

Спорить здесь бесполезно, доказывать невозможно. Нет беды, если кто-нибудь поверит г. Бердяеву в вопросе о «моем» воззрении и начнет судить обо мне, исходя из его ненависти. Но есть беда, когда кто-нибудь думает, что великие и таинственные предметы Духа таковы, за какие их выдает г. Бердяев.

Эти Предметы молча терпят все сообщаемые о них фантазии, а доверчивые читатели начинают думать о них несоответственное и неподобающее...

Для публицистической деятельности г. Бердяева выступление его против моей книги в том виде, как он его совершил, характерно и показательно.

Существенно не то, что он в данном случае предал свою химеру *поношению*, в других случаях он превозносил и восхвалял свои химеры.

Существенно то, что то, что он создает, суть его *субъективные химеры*; и тревожно, и опасно то, что ныне он провозглашает эти химеры якобы от лица Православия...

И мудро будет поступать тот, кто будет читать и слушать его с крайней осторожностью.

